

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Лопашенко Наталья Александровна

*Саратовская государственная юридическая академия,
д.ю.н., профессор,
Россия*

Вместо введения. Во всех словарях принцип (от лат. *prīncipiūm* – начало, основа) трактуется как основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации и т.д.¹. Следовательно, принципы права, в том числе, уголовного, есть его руководящие начала, исходные положения, определяющие незыблемые отправные моменты.

Очевидно, что принципы уголовного права в таком понимании существовали всегда; ровно столько времени, сколько существует само уголовное право. Однако выделять их в качестве принципов в науке стали не так уж давно – в конце восемнадцатого века, вслед за известными французскими мыслителями и демократами.

Законодательная история принципов уголовного права – совсем молода, а часто – и вовсе не известна уголовному законодательству многих государств мира. И, к сожалению, часто – парадоксальна: столько проблем возникло при осмыслении изложенных в последнем российском уголовном законе принципов. При этом, парадоксы присущи и каждому принципу в отдельности, и всем – вместе, и начинаются они уже с определения сферы действия этих принципов.

1. Парадокс первый. Сфера действия принципов, предусмотренных ст. ст. 3-7 УК РФ. В уголовном кодексе РФ, в названии гл. 1, говорится о *принципах уголовного кодекса*. Логично предположить, что описанные в этой главе принципы, как раз, и являются принципами уго-

¹ См., например: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1993. – С. 614; Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 960; БСЭ. 3-е изд. Т. 20. - М., 1975. - С. 1752; и др.

ловного кодекса, или уголовного законодательства². Однако в тексте статей первой главы УК речь идет уже о других принципах: в ч. 2 ст. 1 УК – об *общепризнанных принципах и нормах международного права* и в ч. 2 ст. 2 УК – о *принципах уголовной ответственности*, о которых более законодатель не вспоминает. Это дало основания В.А. Якушину сказать – и справедливо – о „юридическом жонглировании законодателем приведенными терминами”³.

Еще один парадокс, в продолжение. Мало того, что законодатель до конца не определился с тем, что за принципы он изложил в уголовном законе, так еще и разные принципы, если опираться на их буквальное толкование в законе, имеют разную сферу действия, какие-то – достаточно широкую (например, принцип законности), другие – гораздо более узкую (положим, принцип вины).

Разумеется, мы вынуждены – и научились уже это объяснять, и достаточно логично. По моему мнению, например, принципы права, так называемые, общеправовые принципы, в конкретной правовой отрасли, в том числе, в уголовном праве, наделяются, помимо общего значения принципа, еще и специфическим его содержанием, зависящим от предмета и метода отрасли права. В этом специфическом содержании аккумулируется самое главное, что характерно для проявления этого принципа только в этой отрасли, или, наоборот, указываются суженные пределы, границы действия принципа. Как раз в тексте статей УК, посвященных принципам, выпукло и точно подчеркнута специфика того или иного принципа для уголовного права. Традиционное же понимание и содержание любого принципа права, не ограниченное специально в тексте ст. ст. 3-7 УК, действует в уголовном законе без каких-либо изъятий. Здесь нет нужды прибегать к расширительному толкованию принципа: в названии каждой из статей 3-7 УК обозначено, о каком принципе идет речь. В соответствии с этим названием и следует толковать традиционное понятие принципа в уголовном праве, за теми исключениями, которые оговорены в тексте статьи.

В то же время не признать неудачность формулировок некоторых принципов, и отсутствие ясной позиции законодателя по поводу всей системы принципов – просто нельзя. Действительно, очевидно, законодатель затрудняется в определении природы изложенных в главе первой

² Поскольку, согласно ч. 1 ст. 1 УК, уголовное законодательство РФ состоит из уголовного кодекса, постольку понятия уголовный кодекс и уголовное законодательство являются для РФ равнозначными.

³ См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. Ф.Р. Сундурова. – Казань, 2003. – С. 30. Автор главы – В.А. Якушин.

принципов. Но – следовало ли их тогда излагать в уголовном кодексе? Не принесло ли такое решение больше вреда, нежели пользы?

Специфическая польза – есть, конечно, но, боюсь, на самом деле – специфическая, на первый взгляд, – для развития уголовно-правовой науки, озаботившейся пониманием названных принципов. Принципы уголовного права – уголовного закона – уголовно-правового регулирования – уголовной ответственности (как их только не называют!) в одночасье стали модной темой в науке уголовного права, по ней сочли необходимым высказаться многие представители науки, включая и меня, разумеется. Научные исследования внесли свой вклад, прежде всего, в то, чтобы показать несовершенство действующего уголовного закона, которое и так, более, чем очевидно. И хотя в выявлении недостатков закона я преуспела, возможно, более других, порой я думаю, что мы – наука – забываем, напроочь, о той роли, которая очень важна для любой научной отрасли, - прикладной, но не имеющей цены по своей важности и перспективе, - роли обслуживания практики применения уголовного закона. Закон существует, и, следовательно, он должен применяться, и применяться, - эффективно.

Поэтому, продолжая разговор о парадоксах, просто вынуждена признать еще один пласт первых парадоксов принципов: с одной стороны, они явно существуют, прописаны в законе, с другой – так же явно, и, во многом, благодаря нам – представителям уголовно-правовой науки, - на правоприменении не сказываются. Что же касается законотворчества, то и здесь неучет их законодателем в текущем правотворчестве настолько очевиден, что заставляет лишь непонимающе разводить руками.

Возможно, роль принципов была в том, чтобы при первичной кодификации – создании уголовного кодекса 1996 г. – они явились тем связующим звеном, основой, которые позволили создать практически безупречный законодательный акт, или, хотя бы, такой, какой к этому стремился? Боюсь, что и на этот вопрос нет однозначно утвердительного ответа, а если озаботится частностями, из которых рождается общее, - следует ответить более категорично, - такую роль принципам, изложенным в законе, сыграть не удалось. И многое в уголовном законе – увы! – свидетельствует, что безымянный законодатель и не стремился к этому, по большому счету.

В чем же тогда смысл существования в законе принципов, предусмотренных гл. 1 УК РФ 1996 г.? И вообще – он есть?

Думаю, что, не смотря на все парадоксы, – принципы в уголовном законе важны, нужны, и относятся к таким нормативным положениям, которые можно назвать предвосхитившими свое время. Более того, фор-

мулируя почти крамолу, скажу, что, возможно, смысл законодательной регламентации принципов, как раз и состоит в названных и других (см. ниже) парадоксах. Преодолеть их сейчас – едва ли возможно, исходя из того сложного (почти смутного) времени, в котором мы все живем, и из факта окончательной неоформленности российского государства и общества. Принципы, с названием которых законодатель, очевидно, путается, – это наш вклад в будущее уголовного права, права совершенного, справедливого, свободного, основанного на такой же уголовной политике, которая ныне может быть охарактеризована, к сожалению, с точностью, – до наоборот. И очень может быть, что преодолевать отмеченные парадоксы – просто не нужно. Чтобы исключить черномырдинскую оценку таких попыток: „хотели как лучше, получилось – как всегда”.

2. Парадокс второй. Парадоксы принципа законности

Всего лучше они могут быть выражены в следующей формуле: законность – бланкетность – аналогия – судейское усмотрение. Каждое из следующих после законности понятий ему противоречит, и принципиально. И каждое – есть действительное качество (не в смысле высокой оценки, а как констатация факта) современного уголовного закона.

Следует с сожалением отметить, что нарушение принципа законности встречается ныне даже на законодательном уровне. На нем проблема связана, прежде всего, с проблемой употребления в законе так называемых оценочных признаков или категорий. Ю.И. Ляпунов и А.Ф. Истомин называют эту проблему сложнейшей социально-правовой проблемой о соотношении формализма и оценочности в праве⁴.

При описании преступных деяний законодатель пользуется не только общепонятными и однозначными терминами, но и такими, которые имеют несколько разных значений. Иногда это необходимо для того, чтобы уйти от казуистичности в законе. И в таких ситуациях именно правоприменитель вынужден определять конкретное значение того или иного термина применительно к конкретной ситуации: решать, например, что значит „ущерб”, и по каким признакам он признается крупным, и какие вариации понятия „крупный ущерб” в связи с этим возможны; что такое „вред правам и законным интересам”, когда он является „существенным”, и какие виды этого существенного вреда охватываются составом преступления; и т.д. Отдавая на откуп правоприменителю решение вопроса о содержании подобных оценочных кате-

⁴ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 42. Авторы главы – Ю.И. Ляпунов и А.Ф. Истомин.

горий, мы неизбежно приходим к тому, что он колеблет или определяет границы криминализации, что недопустимо. Верно отмечают те же Ю.И. Ляпунов и А.Ф. Истомин: „Такой подход изначально исключает одинаковое, единое для всех понимание их (оценочных признаков – Н.Л.) характера, количественных параметров, что содержит в себе немалый потенциал отступления от принципа законности в правоприменительном процессе”⁵.

Для преодоления сложившейся ситуации возможны два пути. Первый состоит в отказе от использования в уголовном законе названных выше признаков⁶. Думаю, однако, что он вряд ли реален. Криминообразующими признаками многочисленных видов нежелательного поведения выступают именно негативные последствия такой деятельности, которые далеко не всегда могут быть предугаданы и названы в законе все, в полном объеме.

Второй путь, вовсе не новый для законодательной техники, применяемой при создании уголовного законодательства, - определение оценочных признаков в самом законе. Поскольку, как указывалось, невозможно дать их стопроцентно полную характеристику, постольку следует или законодательно ограничить содержание оценочной категории, или установить принципы, по которым практика смогла бы без проблем относить или не относить конкретное последствие (поведение и т.п.) к признакам состава преступления, не колебля основ проведенной криминализации, или пойти по пути максимально конкретного определения и перечисления в законе наиболее спорных вариантов таких оценочных категорий. Возможно и сочетание всего вышеназванного.

На мой взгляд, предпочтителен именно этот путь. Третьего пути не дано. Невозможно, например, возложить обязанность по толкованию оценочных категорий на судебные органы, даже на Пленум Верховного Суда РФ. Поскольку оценочные категории определяют, в конечном итоге, преступное и не преступное, постольку вопрос об их содержании может быть решен только в самом уголовном законе. Создавать новые уголовно-правовые нормы не имеет права никто, кроме законодателя, и никаким другим, кроме законотворчества, способом.

Отрадно, что законодатель уже пошел по указанному пути, внося многочисленные изменения по конкретизации оценочных признаков, за счет расширения – и значительного – примечаний к статьям Особенной

⁵ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 42. Авторы главы – Ю.И. Ляпунов и А.Ф. Истомин.

⁶ Его предлагает, например, А.Г. Корчагин. См.: Корчагин А.Г. Преступления в сфере экономики и экономическая преступность. – Владивосток, 2001. – С. 21.

части УК РФ. Однако, целесообразно включение в УК специальной статьи или же главы „Понятийный аппарат”, в которой содержалось бы определение оценочных категорий, употребленных законодателем⁷. Указанное легальное толкование должно давать возможность для индивидуализации уголовной ответственности субъектов преступной деятельности и полностью исключать различное понимание границ преступного и не преступного. Опыт подобного законодательного определения некоторых понятий имеется, например, в уголовных кодексах Голландии и Республики Беларусь.

В этом случае мы сможем избежать нарушения принципа законности на законодательном уровне.

3. Парадокс третий. Парадоксы принципа равенства

Равенство российских граждан во всех сферах общественной жизни провозглашено Конституцией РФ, причем особенно оно подчеркивается в сфере правосудия: „Все равны перед законом и судом” (п. 1 ст. 19 Конституции).

В тексте ст. 4 УК отмечен только один, специфический именно для уголовного права, аспект реализации принципа равенства – равенство лиц, совершивших преступные посягательства. Это не означает, разумеется, что уголовно-правовой принцип равенства действует только в отношении субъектов преступных деяний. Принцип равенства в уголовном праве в отношении всех других категорий граждан должен применяться в том объеме, в котором он сформулирован в Конституции РФ. Н.Ф. Кузнецова верно отмечала несоответствие между названием ст. 4 УК и ее содержанием. В названии действие принципа не ограничивается лицами, совершившими преступление. Следовательно, и толковать содержание уголовно-правового принципа равенства следует в точном соответствии с названием статьи.

Проанализируем понятие принципа равенства в отношении лиц, совершивших преступные деяния. В законе говорится: „Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, про-

⁷ Подобное же предложение сформулировано и Ю.И. Ляпуновым и А.Ф. Истоминим. По их мнению, глава должна называться „Значение понятий и терминов, употребляющихся в настоящем Кодексе”. См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 46. Авторы главы – Ю.И. Ляпунов и А.Ф. Истомин. Об этом же говорит и В.П. Коняхин. См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб, 2002. – С. 128 и другие.

исхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств”. Таким образом, за исключением первой части нормы, она полностью воспроизводит содержание ст. 19 Конституции РФ⁸.

Однако, нет, и не может быть равной ответственности двух лиц за одно и то же преступление. Больше того, в некоторых случаях за преступление, предусмотренное одной статьей (частью, пунктом) УК, совершенное примерно в одинаковых обстоятельствах, одно лицо будет привлечено к уголовной ответственности и наказано, другое – может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания, или только от наказания. И еще больше того: те обстоятельства, которые указаны в законе, как обстоятельства, не могущие влиять на равенство перед законом, на самом деле – влияют, и еще как! Разве пол – женский – не координирует (в сторону смягчения) уголовную ответственность, в определенных случаях, или, например, имущественное или должностное положение? – Ответ очевиден, эти признаки, равно, как и другие нельзя отнести к индифферентным для уголовной ответственности.

Исходя из изложенного, следует признать, что **принцип равенства граждан сформулирован в уголовном законодательстве неверно**⁹. В отношении лиц, совершивших преступление, речь должна идти только о том, что все они равны в своей обязанности, предстать перед уголовным законом, и подвергнуться предусмотренному в нем воздействию¹⁰ (в любой его форме – привлечения к уголовной ответственности или освобождения от нее).

Только в этом смысле перед уголовным законом почти (об исключениях – см. ниже) ни у кого нет привилегий. Если имеется факт преступления, практически на любое лицо, его совершившее, вне зависимости от пола, национальности, образования, судимости и других характеристик, должны быть распространены те меры воздействия, которые точно указаны в уголовном законодательстве.

⁸ В.В. Мальцев справедливо полагает, что „конституционные нормы не следует воспроизводить в отраслевом законодательстве”. См.: Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград, 2001. – С. 101.

⁹ А.И. Бойко пишет о „стилистически неудачной” редакции ст. 4 УК. См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Петрашева. – М., 1999. – С. 48. Автор главы – А.И. Бойко.

¹⁰ На такой же позиции стоит в науке А.И. Коробеев. См.: Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т.1: Общая часть / Под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 21. Автор главы – А.И. Коробеев.

По мнению И.Э. Звечаровского, сущность принципа равенства „заключается в равной для всех обязанности нести ответственность за совершенное преступление”¹¹. Полагаю, однако, что говорить о равной обязанности *нести уголовную ответственность* – неверно, поскольку это означает игнорирование фактов законного освобождения от уголовной ответственности. Соответственно, указанной равной обязанности просто не существует. А вот обязанность предстать перед законом в случае совершения преступления и принять те меры воздействия, которые законом предусмотрены, будь то привлечение к ответственности, или освобождение от нее, действительно, уравнивает абсолютное большинство лиц, совершивших преступления.

Свой вариант понимания принципа равенства предлагает и В.В. Мальцев. Он выглядит следующим образом: „Все равны перед законом и судом. Равенство обеспечивается равной охраной одинаковых интересов всех субъектов социальной жизни, равной ответственностью лиц, совершивших одинаковые по характеру и степени общественной опасности преступления”¹².

С положением о равной охране одинаковых интересов всех очень хочется согласиться. К сожалению, многочисленные дефекты законодательного формулирования уголовно-правовых норм при реализации этого предложения, безусловно, приведут к многочисленным фактам обращения адвокатского корпуса в Конституционный Суд РФ и к признанию норм неконституционными. Вряд ли подобное облегчит правоприменение и противодействие преступности. Кроме того, сразу приходит на память и существующая в современном уголовном законодательстве вполне легально разная охрана экономических интересов различных собственников; речь идет о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях и о должностных преступлениях¹³. Что же касается равной ответственности лиц, совершивших одинаковые преступления, она едва ли возможна в силу причин, указанных выше и рассматриваемых ниже.

¹¹ См.: Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. – СПб, 2001. – С. 50.

¹² См.: Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград, 2001. – С. 151.

¹³ Н.Ф. Кузнецова последовательно выступала против выделения двух названных глав в УК, предусматривающих однотипные преступления: „...Виновные в любых преступлениях против юридических лиц должны отвечать равно независимо от их организационно-правовой формы”. См.: Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и доцента И.М. Тяжковой. – М., 2002. – С. 69-70. Автор главы - Н.Ф. Кузнецова; Кузнецова Н.Ф. Критерии эффективности уголовного закона. – В сб.: Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. – М., 2003. – С. 40.

Но даже предложенный выше вариант понимания принципа равенства в уголовном праве не позволит провозгласить, что он действует в отношении всех категорий граждан, поскольку существует масса лиц со специфическим порядком привлечения к уголовной ответственности – льготным или в значительной степени – осложненным (Президент России, депутаты, судьи, лица, обладающие дипломатическим иммунитетом, и т.д.); и в отношении них уголовно-правовой принцип равенства в России не действует. По мнению О.Ф. Шишова, принцип равенства всех перед законом не исключает неприкосновенности ряда высших должностных лиц государства¹⁴. Неприкосновенность, действительно, не исключается; исключается равенство всех перед законом.

Поэтому, может быть, имеет смысл, отказаться от провозглашения принципа равенства в уголовном законодательстве. Очевидно, не даром уголовно-процессуальное законодательство не называет принцип равенства в числе своих принципов (см. гл. 2 УПК РФ), и вселенской катастрофы этот факт не повлек.

4. Парадокс четвертый. Парадоксы принципа вины

Толкуя положения принципа вины, приходим к выводу, что российскому уголовному праву и законодательству, согласно букве закона, присуще субъективное вменение, т.е. привлечение к уголовной ответственности только за виновное совершение общественно опасного деяния.

К сожалению, на деле все не так просто, и современное уголовное законодательство России иногда фактически предполагает объективное вменение. Лишь два примера, увы - из многих.

Один – совершенно очевидный, на мой взгляд. В целом ряде статей УК установлена ответственность за деяния, повлекшие последствия, которые субъект, едва ли, мог и должен был предвидеть, поскольку они не находятся в причинной связи с его деянием; можно говорить лишь о наличии функциональной связи. К таким составам преступления я отношу, например, небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК), ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК), выпуск в эксплуатацию транспортных средств с техническими неисправностями (ст. 266 УК), и др.

¹⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рагога. – М., 2001. – С. 16. Автор главы – О.Ф. Шишов. См. также: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, проф. А.И. Рагога, проф. А.И. Чучаева. – М., 2004. – С. 11. Автор главы – О.Ф. Шишов.

Второй пример очевиден не настолько, как первый, однако, думаю, он – свидетельство еще более опасных тенденций по отступлению от принципа виновной ответственности и, в частности, от положения о субъективном вменении. Он связан с изменением уголовного налогового законодательства федеральным законом от 8 декабря 2003 г. и олицетворяет собой, так называемые, негативные – не отражающиеся напрямую в законодательстве – изменения сути уголовного закона. Речь идет о содержании понятия крупного (и особо крупного) размеров уклонения от уплаты налогов (сборов). Вменить их в вину лицу, при детальном рассмотрении этих криминообразующих признаков, - невозможно в целом ряде случаев, если осознанно не встать на путь объективного вменения. Разве законодатель не замечает, что творит? – Сомневаюсь, скорее всего, в этом можно усмотреть некоторые тревожные тенденции по изменению уголовной политики.

Оборачивается на практике объективным вменением, а, следовательно, нарушением принципа вины, и дальнейшее игнорирование проблемы противоправности. Настала пора, предусмотреть для составов преступлений, в основе которых лежит нарушение установлений других правовых отраслей, в формуле вины, наряду с осознанием общественной опасности своего деяния, также осознание его противоправности.

5. Парадокс пятый. Парадоксы принципа справедливости

Наибольшее количество нареканий вызывает сегодня в уголовном праве законодательное определение принципа справедливости, имеющееся в ст. 6 УК. В ней говорится: „1. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. 2. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление”.

Следует отметить, таким образом, что трактовка принципа справедливости в законе слишком узка: если принимать во внимание часть первую статьи, следует распространить его только на применяемые к лицу меры уголовно-правового характера; часть вторая статьи несколько расширяет пределы действия принципа справедливости, обращая его на всю уголовную ответственность, однако, опять-таки, на конкретную ответственность конкретного человека, совершившего преступление. *Получается, что принцип справедливости заведомо, по мысли законодателя, не работает на уровне законотворчества, не применяется в отношении лиц, пострадавших от преступлений, и т.д.* Справедливым

уголовный закон должен быть только в отношении лиц, преступивших его запреты, и то, только в сфере его реального к ним применения.

Очевидно, это не так, и не должно быть так, исходя, опять-таки, из принципа справедливости – общеправового принципа. Принцип справедливости уголовного законодательства имеет комплексный, всеобъемлющий характер, аккумулирует в себе все другие принципы. Если нарушаются они, нарушается и принцип справедливости. Значение принципа справедливости очень ярко подчеркнуто А.М. Яковлевым: „Без принуждения уголовное правосудие было бы бессильным, без воспитания – бесчеловечным. Однако без справедливости правосудие вообще перестало бы существовать”¹⁵.

Достижима ли, в связи со сказанным, полная справедливость в уголовном праве? Вопрос – достаточно риторический. Верно пишет А.И. Бойко: „Разумеется, любой закон, как свод общих правил, заведомо несправедлив, ибо *nulla lex satis commode omnibus est* (нет закона, удобного для всех). Разумеется, любая юстиция не может быть справедливее самой богини (идеи) справедливости, и эта горькая сентенция подтверждается каждую эпоху обновления...”¹⁶.

Думаю, однако, что следует разделять понятия полной и подлинной справедливости. И если первая, действительно, остается недостижимым идеалом, хотя бы, потому, что всегда может быть оспорен сам критерий определения справедливого и несправедливого, то вторая вполне может быть достигнута путем исключения фактов явной несправедливости при регламентации уголовно-правовых понятий в законе и в практике их применения. Критерием, или своеобразным мерилom того, что является справедливым, здесь выступают не интересы конкретной личности, а интересы всего общества и государства, а уже через них – интересы этой личности.

На мой взгляд, правильную формулу справедливого уголовного закона давала Н.Ф. Кузнецова: „Социально обоснован закон, который эффективен, т.е. выполняет охранительные и предупредительные задачи, а также достигает целей наказания... Неэффективен такой закон, который ввиду его конструктивных недостатков не применяется либо редко применяется к реально существующей преступности. Справедлив за-

¹⁵ См.: Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. – М., 1985. – С. 20.

¹⁶ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Петрашева. – М., 1999. – С. 54. Автор главы – А.И. Бойко.

кон криминологически обоснованный, т.е. нацеленный на сокращение преступности, исходя из ее уровня, динамики, структуры и прогноза”¹⁷.

Завершая сказанное здесь, считаю необходимым, дополнить ст. 6 УК новой первой частью следующего содержания: „Уголовное законодательство Российской Федерации основывается и применяется в соответствии с принципом справедливости”. Разумеется, предложенная норма носит достаточно декларативный характер, но даже такой ее вид позволяет исправить то положение, которое имеет место теперь, когда, согласно буквальному толкованию, принцип справедливости распространяется только на назначение наказания или иных мер уголовно-правового воздействия.

6. Парадокс шестой. Парадоксы принципа гуманизма

В уголовном законодательстве принцип гуманизма проявляется двояко: прежде всего – во всесторонней охране личности, ее прав и интересов от преступных посягательств и, кроме этого, в защите прав и интересов лица, виновного в совершении преступления. „Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека”, — указывается в ч. 1 ст. 7 УК. Оно делает это путем определения, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и установления за них наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия. Статья, соответственно сказанному, распространяется на всех без исключения граждан; закон защищает и законопослушных, и преступников от посягательств на их права, и мужчин, и женщин, и россиян, и граждан других государств, немощных и здоровых, младенцев и стариков, и т.д. Никаких исключений из этого в законе не содержится. Поэтому вызывают удивление позиции В.Т. Томина, Т.В. Кленовой и В.Д. Филимонова, полагающих, что „часть 1 комментируемой статьи дает по существу обобщенную формулировку того, что записано в ч. 1 ст. 2 настоящего Кодекса (задачи УК), следовательно, **проявляет внимание к лицам, пострадавшим от преступления** (выделено мною – Н.Л.)”¹⁸; „в первую очередь принцип гуманизма в уголовно-правовом аспекте определен применительно к охраняемым общественным отношениям, как гарантирующий права потерпевших от

¹⁷ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и доцента И.М. Тяжковой. – М., 2002. – С. 74. Автор главы – Н.Ф. Кузнецова. В.Д. Филимонов, напротив, не согласен с приведенной формулой. См.: Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М., 2002. – С. 113-114.

¹⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.А. Чекалин. – М., 2002. – С. 22. Автор главы – В.Т. Томин.

преступлений”¹⁹; „в этом принципе выражается гуманное отношение к потерпевшему и к лицу, совершившему преступление”²⁰.

И, тем не менее, уголовный закон более гуманен к лицам, совершившим преступления, нежели к пострадавшим от преступлений. Об интересах последних он не сильно задумывается, и дополнительных прав этим лицам практически не предоставляет. Но – пострадавшие – это вторая, если не главная – сторона уголовно-правового отношения, и в уголовном законе это должно найти свое закрепление.

Еще один парадокс, вытекающий из принципа гуманизма: отношение к проблеме смертной казни. К гуманизму российского уголовного законодательства, в аспекте его отношения к преступнику, относят обычно фактически сохраняющийся мораторий на применение смертной казни, об этом пишут, например, Р.Р. Галиакбаров²¹, О.Ф. Шишов²², и другие. Думаю, однако, что если здесь и можно говорить о гуманизме, то уж, во всяком случае, не о гуманизме закона, поскольку он предусматривает возможность назначения смертной казни. Речь может идти о гуманизме российской уголовно-правовой политики, на мой взгляд, совершенно ничем неоправданном. Происходит парадоксальное несовпадение гуманизма уголовного права и закона и гуманизма уголовной политики.

По-прежнему считаю, что наше общество еще не готово к отмене смертной казни; нет необходимости в отношении к смертной казни слепо копировать чужой и далеко небесспорный опыт. Гуманизм не может быть односторонен и бесконечен. Нельзя проявлять гуманность к преступнику, забывая о гуманности к обществу, которое вынуждено его содержать, тратя на это те деньги, в которых остро нуждаются старики и дети государства. Гуманизм и всепрощенничество – разные вещи.

Здесь же возникает вопрос о том, соответствует ли смертная казнь принципу гуманизма в отношении преступника? О каком гуманизме можно вести речь, если у человека отнимают самое дорогое – его жизнь? Возможно, принцип гуманизма действует в уголовном праве избирательно, и, соответственно, не распространяется на некоторые положения уголовного закона?

¹⁹ См.: Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. – С. 74.

²⁰ См.: Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М., 2002. – С. 119.

²¹ См.: Галиакбаров Р.Р. Указ. соч. – С. 20.

²² См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рагога. – М., 2001. – С. 19. Автор главы – О.Ф. Шишов.

Полагаю, что на последний вопрос следует ответить отрицательно. Принцип закона не может иметь выборочный характер применения, иначе он перестает быть принципом. Гуманизм же в отношении смертной казни, в полном соответствии с законом, проявляется в том, что приведение ее в исполнение невозможно способом, унижающим человеческое достоинство, или приносящим лицу особые страдания. Нельзя забывать и о принципе справедливости, и о том, что, по закону, смертная казнь в России может быть применена только к лицам, совершившим особо тяжкие преступления против личности, отнявшим жизнь, как правило, у нескольких, ни в чем неповинных людей.

Вместо заключения. Парадоксальные итоги

В науке много спорят о понятии и соотношении категорий „уголовное право”, „уголовный закон”, „уголовно-правовая политика”. На мой взгляд, в последнее десятилетие сложилась ситуация, когда и право, и закон, и политика, которые, казалось бы, должны были быть предназначены для одного – борьбы с преступностью, - ощутили свою полную независимость друг от друга и заговорили на разных языках, при том – каждый на непонятном и неизвестном другому. Когда-то человечество это уже проходило, - при Вавилонском столпотворении. Так что, - преодолеть это – хотя трудно, - но можно. Принципы уголовного права, а, на мой взгляд, именно они изложены в уголовном законе, и являются тем спасительным инструментом, который может в указанной беде и проблеме помочь. Всем нам.